

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
ПАВЕЛ АСТАХОВ

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ

ШОК- школа

Дела судебные

Татьяна УСТИНОВА

Шок-школа

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Шок-школа / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2021 — (Дела
судебные)

ISBN 978-5-04-117583-2

Судья Елена Кузнецова была очень рада за свою сестру: той удалось устроить сына Сеньку в престижную школу! Конечно, Натке пришлось раскошелиться, но она уверена, что вложение средств того стоит – в классе пятнадцать учеников, все из приличных состоятельных семей... Вот только она не учла, что ее собственная семья в этот элитный круг не очень-то вписывается: сына Натка воспитывает без мужа, с утра до ночи работает, а не проводит время в салонах красоты, как родительницы других учеников. Очень быстро начались проблемы, решать которые, как обычно, пришлось Лене, когда она обнаружила у себя на столе иск к школе от ее собственной сестры...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117583-2

© Устинова Т. В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Июль	6
Август	14
Сентябрь	21
Октябрь	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Татьяна Витальевна Устинова,
Павел Алексеевич Астахов**
Шок-школа
Роман

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Астахов П., Устинова Т., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Июль

– Следующий! Кто, кто следующий? – заметалась, квохча, крупная дама в пудровом летнем костюмчике – нарядном и модном, но совершенно не украшающем слишком массивную фигуру женщины.

Мягко говоря – костюмчик сидел на даме как на корове седло.

Как ни странно, но некоторые люди совершенно не умеют одеваться. И при этом сохранять спокойствие. Деньги у них есть, а вкуса и выдержки нет ни капли.

Натка кротко закатила глаза и правой рукой подтянула поближе сына, похожего сегодня на большую дорогую куклу, а не на маленького разбойника, как обычно.

Нервничающий Сенька был фарфорово бледен, круглые голубые глаза его сверкали, обычно непокорные вихры застыли красивыми волнами, зафиксированными парикмахерским гелем. Идеально отутюженные черные брючки, девственно-белоснежная рубашечка – с галстуком! – и до блеска начищенные туфли завершали картину.

Сеньку можно было ставить на свадебный торт как кондитерский аватар жениха – в паре с любой из присутствующих тут же девочек, принаряженных в едином стиле: в пышное, нежное, белое.

Можно подумать, благородных барышень к первому причастию привели, а не на просмотр – или как правильно называется это нервное действие? – для поступления в первый класс.

– Кто, кто? – не получив ответа, снова завохотала модная корова в пудровом.

– Мы, мы! – не издеваясь, просто так вышло, промычала Натка, левой рукой удерживая приоткрытую дверь с отпечатанной на принтере табличкой «Приемная комиссия».

Ширина щели у косяка была тщательно выверена методом проб и ошибок. Распахнув дверь пошире, следовало вскоре ждать гневного окрика изнутри: «Закройте, пожалуйста!» Прикрыв слишком плотно вы лишались возможности узнать первой о результате очередного собеседования.

Уважаемая приемная комиссия не приветствовала присутствие в коридоре заинтересованных зрителей и не одобряла какой-либо интерактив.

Зрителям – читай, родителям, преимущественно модным мамашам, – следовало тихо, молча ожидать под дверью, воздерживаясь от вопросов, комментариев и, упаси Бог, подсказок. Но мамы были не из тех, кто привык ожидать и при этом помалкивать, поэтому в коридоре былолюдно, шумно и нервно.

Разноцветные наряды родительниц были щедро разбавлены черно-белой классикой детских парадных одежд, но в глазах от этой пестроты все равно рябило буквально до тошноты.

Одной девочке и в самом деле стало плохо, бедняжку даже вырвало, ее увели в медпункт, а нервозности оставшимся добавила явившаяся уборщица с ведром и шваброй. Выглядела она в своей синей униформе почти элегантно, а ворчала совершенно классически: «Ходят тут всякие...» – и так и норовила пройтись мокрой тряпкой по дорогим туфлям этих всяких.

Эти всякие, даром что не из последних людей – почти сплошь «богатенькие буратины», боязливо отмалчивались.

Кто знает здешние порядки, может, и уборщица скажет свое веское слово, когда будет решаться, брать ребенка в элитную школу или не брать. Тех, кого на пол тошнит, определенно не возьмут, а с остальными-то пока непонятно...

Дверь под Наткиной рукой дрогнула и рывками пошла на нее, выпуская полуобморочную девочку в белом. У бедняжки был дикий взгляд, потный лоб и такой лихорадочным румянец, словно уважаемые члены приемной комиссии битый час рассказывали ей неприличные анекдоты или – с поправкой на элитность заведения – читали вслух «Лолиту» Набокова.

– Алина! Линочка! Ну что? Ну как?!

Очередная дама в модном летнем костюмчике (светлый беж, натуральный лен, юбка с запахом, рукава буфами – и все тот же эффект «седла на корове») пылко прижала полуобморочную девочку в белом к своей пышной груди.

Тесно притиснутая к бежевому льну девочка Линочка молчала, слабо трепыхаясь, как выловленная в пруду золотая рыбка.

– Следующий! – нервно рыпнулась толстуха в пудровом и попыталась пропихнуть под локтем Натки свое собственное чадо – набриолиненного мальчика в черно-белом костюме с галстучком.

Тут Натка подумала, что совершила ошибку, когда не позволила Сеньке пойти на собеседование в джинсовых шортах с бахромой и майке с толстой желтой зайцебелкой, именуемой покемоном.

Майка была старая – покемоны уже почти вышли из детской моды, но любимая и, главное, счастливая. В ней Сенька выиграл дворовый чемпионат по мини-футболу, выловил на рыбалке с дядей Костей Таганцевым здорового карася и не сломал, а лишь ушиб руку, свалившись с шелковицы в саду приморского домика дяди Никиты Говорова, друга семьи. Трудновыводимые пятна от ягод шелковицы с покемоновой майки, кстати, невероятным образом отстирались без следа – реально чудо-прикид, настоящий амулет на удачу.

Ой, зря она настояла на брючках с рубашечкой, тем самым убив всю Сенькину индивидуальность...

Но сокрушаться было уже поздно.

– Стоять! – Натка перехватила чужого черно-белого мальчика и ввинтила на его место своего собственного. – Сенья, готов?

– А если нет? – все-таки проявил неубиваемую индивидуальность Сенька.

– Разговорчики в строю! – грозно рявкнула Натка.

И спешно пригладила на голове сына непокорные вихры, вопреки парикмахерскому средству норовящие превратиться в подобие предательских рожек и выставить ее маленького ангела сущим исчадием.

Пальцы слиплись от геля. Несмотря на это, взволнованная Натка склеившимися перстами тут же истово перекрестила Сеньку. Он скривился. Натка погрозила ему пальцем, а потом последовательно показала «вилку» – знак «Виктория», большой палец и кукиш.

Совсем недавно она верстала в своей газете заметку «Пять жестов пальцами, которые приносят удачу» и собиралась применить полученные знания прямо сейчас. Полученные сведения пригодились к месту.

Не тот был случай, чтобы хоть чем-то пренебрегать: конкурс в эту элитную школу образовался просто дикий – восемь человек на место!

– Пальцы скрести! – с этими словами любящая мать под взглядами несколько ошалевших от ее загадочной жестикуляции родительниц решительно втокнула сына в логово приемной комиссии, придумав дополнительный «бонусный» жест для сыночка.

Вот придумали же пытку для невинных деток-дошколят!

Неубиваемый Сенька воинственно шмыгнул носом, обреченно протопал в класс и пропал из виду.

Натка прильнула к косяку.

Через щель приоткрытой двери открывался внушительный вид на уважаемых членов приемной комиссии.

Три важные дамы, ориентированные к зрителям в коридоре в профиль, бок о бок сидели за покрытым длинной скатертью столом. В этой диспозиции они очень напоминали Натке что-то смутно знакомое, когда-то крайне важное...

А-а-а, она догадалась: барельеф с изображением Маркса, Энгельса и Ленина!

Натка не сдержалась, хихикнула и поймала на себе сочувствующий взгляд тетки в пудровом. Та, похоже, решила, что чужая мамаша на нервной почве двинулась умом.

– Очень волнуюсь, – поддерживая эту версию, доверительно призналась Натка пудровой тетке.

И, кстати поймав гениальную мысль, полезла в сумку за своей пудреницей.

Не для того, чтобы поправить макияж, разумеется: из пудреницы с зеркальцем при должной ловкости можно было соорудить подобие перископа.

Ловкость у Натки имелаась, перископудреница была быстро приведена в боевую готовность, умело задействована и, наскоро пристрелявшись, она поймала в прицел Сеньку.

Он уже что-то отвечал, умильно тараща большие голубые глаза на «Маркса-Энгельса-Ленина» без усов-бород, зато с бюстами.

Важные дамы взирали на милого мальчика с непроницаемыми лицами – как будто и вправду их из мрамора высекли!

– Ничего, ничего, это ненадолго, – вслух подумала Натка, не сомневаясь ни в одном из многочисленных талантов любимого сына.

Особенно в его уникальной и неповторимой способности выводить из себя самых сдержанных взрослых, будь то благостные буддистские монахи, терпеливые индийские йоги или нордически спокойные потомки тевтонских рыцарей.

В Сеньке убийственно сочетались детская непосредственность, природная любознательность и неумная энергия. В отличие от других мамаш, тихо возмущавшихся несправедливостью пропорции «трое взрослых на одного ребенка», Натка нисколько не сомневалась, что и при таком раскладе ее Сенька выйдет победителем.

Опыт побед над взрослыми у него имелся.

К примеру, когда Сеньке было пять, он втихую удрал от стариков в деревне и отправился в самоволку, тормознув на проселке армейский грузовик. В кузове под тентом сидели солдаты. Несмотря на то что при них имелись свои командиры, через час под руководством Сеньки они дружно пели хором «Если с другом вышел в путь» и даже позволили юному масовику-затейнику снять фрагмент этого концерта на телефон, так что позже Натка смогла оценить безупречную слаженность армейского хора.

Правда, в тот раз авантюристу и манипулятору Сеньке не удалось добиться, чтобы его высадили у метро, но и в полицейском участке, куда его доставили спешившие армейские хористы, милый мальчик произвел неизгладимое впечатление.

Когда срочно вызванная Натка приехала за сыном, тот сидел в кабинете начальника, заливаясь не слезами, как следовало бы потерянному чаду, а чаем с конфетами в широком ассортименте.

Кто бы мог подумать, что суровые полицейские такие запасливые сладкоежки...

– Ну что там? Ну как? – очередная нервничающая мамаша невежливо толкнула Натку, желая самолично заглянуть в кабинет хотя бы одним красиво подкрашенным глазком с накладными ресницами.

– Все под контролем! – строго ответила Натка, под напором чужой силиконовой груди лишь пошатнувшись, но не сдав позиций.

Сенька и в самом деле справлялся. Мраморные лица «Маркса-Энгельса-Ленина» уже заметно размягчились, теперь на них читались вполне человеческие эмоции: У «Энгельса» – удивление, у «Маркса» – сомнение, у «Ленина» – простодушная радость. За вождя мирового пролетариата в комиссии отвечал специалист-логопед, и он успел было заскучать, но Сенька внес в происходящее свежую струю.

– Одеяло убежало, улетела простыня, – услышала Натка: испытуемый перешел к декламации. – И подушка, как лягушка, ускакала от меня...

Заскрипели половицы: это в классе перед лицом высокой комиссии проскакал резвый мальчик, талантливо изображающий подушку и лягушку в одном флаконе.

– Боже, боже, – строго по тексту тихо простонала Натка.

С полгода назад Сенька открыл для себя «Мойдодыра» Чуковского – и безоглядно влюбился в это бессмертное произведение.

Выразительный образ кривоногого и хромого умывальника, периодически являющегося такому же, как он сам, неидеальному мальчику, запал в детскую душу так глубоко, как не сумели этого сделать популярные современные киногерои. Айронмен, человек-паук, капитан Америка, могучий Тор и всякие там черепашки-ниндзя померкли в тени Мойдодыра – для Сеньки по-свойски Додырчика.

Мамину спальню – таинственный приют неуловимого Додырчика – ребенок обыскал и обшарил с простукиванием стен и половиц. «Где же он тут у тебя прячется?» – бормотал Сенька, ввинчиваясь под кровать с наlobным фонариком из набора «Лего».

– Боже, боже, что случилось? Отчего же все кругом завертелось, закружилось и помчалось колесом? – донеслось из класса вместе с изумленно-испуганным возгласом, и тут же кто-то застучал ладонями по столу, прихлопывая взметнувшиеся бумаги.

В щель приоткрытой двери ветром вынесло одинокий кувыркающийся лист.

Черно-белые мальчики, нежные кисейные девочки и их душистые ухоженные мамочки в модных нарядах самых трендовых расцветок и фасонов молча отследили полет белого листа и дружно, как по команде, уставились на Натку.

– Ну так завертелось же, закружилось, – разведя руками, объяснила она.

Вновь заскрипели половицы.

– И помчалось колесом, – завершила свой комментарий Натка и опасливо прислушалась к короткой паузе.

Ой, не к добру она...

– Ах ты, гадкий, ах ты, грязный, неумытый поросенок! – ликующе возвестил радостный детский голос под взрослый нервный смешок и длинный скрежет спешно отодвигаемого стула.

Натка заглянула в кабинет и наконец увидела свою родную кровиночку живьем, а не в зеркальце перископудреницы.

Сенька подскочил к столу высокой комиссии и обращался, не мелочась, напрямую к завучу, азартно уличая ее от имени и по поручению своего любимого Додырчика:

– Ты чернее трубочиста, полюбуйся на себя: у тебя на шее вакса, у тебя под носом клякса...

На шее у завуча было изящное серебряное кольцо от Тиффани, под носом приоткрылся в изумлении аккуратно напoмаженный розовый рот, но Сеньку мелкие разночтения не смущали.

– У тебя такие руки, что сбежали даже брюки! – заклеимил он завучиху в безупречном платье-футляре. – Даже брюки, даже брюки убежали от тебя!

– Я думаю, достаточно, – кашлянула дама-психолог – «Карл Маркс» уважаемой приемной комиссии.

Но Сенька уже разогнался, как паровоз, и остановить его было невозможно.

Он ударил в воображаемый медный таз и вскричал: «Кара-барас!» так, что загудело даже в коридоре.

– И сейчас же щетки, щетки затрещали, как трещотки – «Как ТРИ щетки, три в одном, понятно?» – деловитой скороговоркой пояснил юный артист оригинального жанра в сценическом режиме «реплика в сторону».

На талантливо изображенных трещотках у «Ленина»-логопеда взгляд сделался завороненным, почти влюбленным.

У завуча «Энгельса» дрогнуло и потекло, казалось бы, крепко бронированное ботоксом лицо.

Сенька был в ударе.

Декламируя и жестикулируя, он успевал пояснять, что мочалками его мама называет невоспитанных соседок-малолеток, а Крокодилом в их доме кличут зубастого питбуля соседей со второго этажа.

Он продемонстрировал триумвирату нарисованное гуталином на запястье пятно и поведал ему – да, да, только ему и еще полусотне ошеломленных происходящим зрителей в коридоре, – что это обладающий волшебной силой тайный знак секретного мойдодырского сообщества. Стоит только потерять его – и из маминой из спальни сразу же выскочит, как дядя Костя в прошлое воскресенье, сам Додырчик!

– А хотите, я его вызову прямо сейчас? – занеся послунявленный палец над пятном, в звенящей тишине спросил верный друг, поклонник и соратник начальника умывальников и командира мочалок Арсений Кузнецов.

– Дядю Костю? – обморочным голосом переспросила дама-психолог, непрофессионально упустившая нить сюжета.

– Да, только старлея Таганцева нам тут не хватало, – мужественно борясь с подступающим истерическим смехом, пробормотала Натка и осторожно побилась головой о дверной косяк.

Получилось слишком громко.

– Закройте дверь! – очнувшись, рявкнула из кабинета дама-логопед.

Натка поспешно выполнила категорическое требование.

– Ну вот, – огорчилась чья-то мамочка, стройная, в элегантном костюме палевого цвета. – Теперь мы не узнаем, чем все закончилось...

– Вы разве не читали «Мойдодыра»? – высокомерно удивилась другая мадам, в лимонном. – Как можно, это же вечная детская классика! Моя Анжелочка перечитала всего Чуковского еще в четыре года!

Присутствующие заволновались.

Тема правильной и своевременной подготовки к школе, усиленного и скоростного развития детского интеллекта и неустанного поиска творческих способностей ребенка для данной аудитории была крайне актуальна.

– Маленький герой «Мойдодыра» в итоге стал ярым приверженцем гигиенических процедур, – авторитетно добавила высокомерная мамочка в лимонном.

– Меня вообще-то интересует судьба совсем другого маленького героя, – сказала мамочка в палевом, и Натка взглянула на нее с благодарностью.

Дверь задергалась, выражая желание открыться. Натка отлепила от нее плечо, сдвинулась в сторону, и в коридор неторопливо и важно – совсем не в духе своего порывистого кумира – Мойдодыра – выступил юный герой Сенька.

– Ну? Как?! – дружно выдохнули в коридоре.

– А какие варианты? – Арсений Кузнецов продолжал демонстрировать яркую индивидуальность. – Все супер!

– Ур-р-ра-а-а! – завопила Натка, сгребла сына в охапку да так и потащила по коридору к выходу.

Трехчасовая пытка вступительными экзаменами отняла у нее, наверное, целый год жизни.

Странно, что она еще тогда не подумала – а сколько же отнимут годы обучения в этой школе?

– Лена-а-а! Гуляем!

Натка ворвалась в квартиру как ураган, подхватила меня, выронила – я все же потяжелее, чем девочка Элли, даже если вместе с собачкой, – и закружилась сама. Широкая юбка василькового платья надулась и развернулась ярким цветком.

– Ур-ра! Кузнецовы рулят!

– Да? Чем конкретно? – уточнила я не без опаски, прикрывая собой трюмо, с которого буйная васильковая юбка запросто могла смести всю мою косметику.

Не то чтобы там имелось что-то особенно редкое или дорогое, просто мне неохота было выискивать потом увертливые мелкие тюбики по углам прихожей.

– Мам, уже можно? – послышалось из-за двери, которую ураган по имени Натка оставил приоткрытой.

– Сеня? – Я узнала голос племянника, открыла дверь шире и выглянула на лестничную площадку. – Ого! Да мы гуляем!

– А я тебе что говорю!

Натка отпихнула меня и метнулась из квартиры, но тут же влетела обратно, приплясывая и пятясь. На ходу она торжественно возвестила:

– Арсений! Давай! – И мажорно задудела какой-то неопознаваемый праздничный марш. – Там-там-тадам, та-та-тататадам!

– О! Это откуда? – Вовремя выглянувшая из своей комнаты Сашка как раз застала торжественный выход, точнее вход, Сеньки.

– Музыка – из «Полицейской академии», а торт из кондитерской «Ванильное небо», он сделан на заказ, – скороговоркой ответила Натка и снова мажорно затрубила, затамтамкала.

Мелко семеня ногами и чуть приседая, племянник аккуратно вдвинулся в дверь в классическом стиле девушки с приветственным караваем, только без вышитого рушника и с тортом вместо хлеба. Большой прямоугольный торт помещался в открытой коробке с низкими бортиками и имел интригующий вид солидного портфеля – шоколадно-коричневого, с золотым замком-застежкой.

– И это все означает, что... – я вопросительно посмотрела на сестру.

– Что Сеньку приняли в Шоко-школу!!! – Натка оборвала торжественный марш и восторженно завизжала.

– О! Круто! Тащи сюда. – Сашка, размахивая руками, как регулировщик дорожного движения, препроводила Сеньку в кухню, и там они в четыре руки сгрузили торт на стол. – Кому чай, кому кофе?

Вот интересно – Сашка у нас правоверная зожница, но это совершенно не мешает ей при случае набивать живот вредными тортиками. Она просто говорит себе: «Сегодня мне можно» – и лопает калорийное сладкое без зазрения совести.

Я, как судья, все никак не могу постичь принцип, по которому моя дочь сначала устанавливает для себя строгие законы питания, а потом объявляет их временно недействительными. В моем представлении это как если бы Ньютон признавал закон всемирного тяготения только с понедельника по пятницу: «А на уикенд давайте от земного притяжения немножко отдохнем».

Впрочем, это я так, к слову. На самом деле, как всякая нормальная мать, я только рада, когда мой ребенок не ограничивает себя в еде, а заодно и меня – я тоже обожаю сладкое.

– Так, кому чай, кому кофе? – нетерпеливо повторила Сашка уже под свист закипающего электрочайника.

– Лично мне – валериановых капель! – откровенно рисуясь, вздохнула Натка и прижала руку к бурно вздымающейся груди под васильковой тканью. – Кто бы знал, как я переволновалась!

– Саш, тетя Наташе успокаивающий ромашковый чай! – крикнула я и закрыла дверь на лестницу.

Незачем соседям по дому знать, как мы тут взволнованы и что именно празднуем. Соседи у нас хорошие, тихие и незаметные, но одно имя Сеньки способно ввергнуть их в шок и трепет. Особенно жильцов снизу, которых мы Сенькиными стараниями дважды топили – потом приходилось заново белить им потолки.

– С ума сошла? Какой ромашковый чай? Сегодня мы пьем шампанское! – Сестрица перестала прикидываться умирающим лебедем и выудила из своей сумки-торбы пузатую бутылку. – Не помещало бы охладить его, конечно, но я не дотерплю. Где у тебя бокалы?

– Кухня, отмена заказа, тетя Наташе бокалы! – крикнула я и распахнула перед сестрицей дверь ванной. – Руки-то хоть помой! Прискакала вся в мыле, как конь апокалипсиса...

– Ну нет, давай-ка сменим образный ряд, у нас все же не конец света, а наоборот – начало новой жизни! – Натка проворно ополоснула руки, выскочила из ванной, сверкая улыбкой и мокрым стеклом – сунула, значит, там бутылку под холодную воду. – Наконец-то представитель нашей фамилии выходит на нужную орбиту!

«Ой-ой, землянам впору ужаснуться, как тем соседям снизу», – подумалось мне. Уж на орбите Сенька развернется, натворит незнамо чего – он у нас парень непредсказуемый...

– Мам, а можно я съем замочек? – крикнул непредсказуемый Сенька с кухни.

– Какой замочек? – моментально насторожилась Натка.

– Оковы земного притяжения, – хихикнула я.

– Он же посередине, как я тебе его вырежу? – запротестовала Сашка в кухне.

Она уже ходила вокруг стола с острым ножом и таким же прищуром, прицеливаясь к торту.

А, так вот о каком замочке речь – с кондитерского портфеля!

– Дай-ка мне, – я забрала у дочки нож и бестрепетно вонзила его в середину торта. – Тебе, Арсений, сегодня можно всё! Вот, ешь свой замочек. Это будет где-то даже символично.

– Почему это символично? – заинтересовалась Натка, торопливо распутывая проволоочный намордничек на горлышке бутылки.

– Потому что школа – это как тюрьма! Одиннадцать лет несвободы! – с надрывом произнесла Сашка, отсидевшая за партой уже восемь лет из упомянутых одиннадцати. – Да, мама? Ты же именно это имела в виду?

Вообще-то да, именно это. Но прямо согласиться со сказанным было бы непедагогично, поэтому я уклончиво пробормотала:

– Ну как-то, где-то...

Тут очень кстати бабахнуло открывшееся шампанское, и мы удачно сменили тему:

– За нашего первоклассника! – вскричала Натка. – Ура, товарищи! Ура!

Торт оказался вкусным, и очень скоро от большого портфеля осталась маленькая борсетка. Сашка с Сенькой с трудом отвалились от стола и утопали в комнату дочери. Мы с Наткой остались допивать шампанское.

– Школьные годы чудесные, как они быстро летят... Их не воротишь назад, – ковыряя остатки торта, который тоже улетучивался огорчительно быстро и при этом не имел никаких шансов вернуться, лирично замурчала сестрица. – Эх, Лена, помнишь ли ты наши школьные годы? Условно чудесные... Тридцать восемь гавриков в классе и вечно раздраженная пенсионерка Антонина Ивановна в роли первой учительницы...

– У меня было сорок гавриков и Вера Петровна, – кивнула я.

– Парты исписанные, стулья фанерные, расслаивающиеся и царапающие ноги, колготки на них вечно рвались, – не затормозилась Натка. – Запах тушеной капусты из столовки, страшные бурые пятна от мастики на сером паркете. В гардеробе постоянно роняют и топчут одежду, режут куртки, тырят мелочь из карманов. В буфете вечная очередь за коржиками и язычками, в туалетах – курилки, в коридорах на переменах пыль столбом и гвалт, как на вокзале.

– Не самые лучшие у тебя воспоминания о школе, – заметила я, подливая сестрице шампанского.

– Так и школа у нас с тобой была не самая лучшая! – Натка завозилась, села прямо и гордо вздернула нос. – А вот у Сеньки в классе будет всего пятнадцать учеников, представляешь? И

никакой босоты-гопоты, только специально отобранные умненькие детки из приличных семей! И литер «А»!

– Первый «А»? – повторила я. – Круто!

Во времена моего школьного детства класс «А» всегда вел самый опытный педагог. В «ашки» отбирали самых лучших деток, для них составляли самое удобное расписание, им первым доставались любые «вкусные плюшки» вроде походов в театр и экскурсий. «Ашки» – это была элита школы. Негласно, конечно, официально в те времена мы все были равны. Но по умолчанию подразумевалось, что «ашки» – это высший сорт, «бэшки» – первый, «вэшки» – второй, «гэшки» – третий...

Сашка моя, обучаясь в обычной переполненной «районке», в начальной школе была в классе «Е». «Ешки-сыроежки», – дразнили их другие литеры.

А ведь был еще первый «Ё», вот кому совсем уже не повезло: в семь-то лет зваться бабками-ёжками – каково?

– А учительница наша, только представь, не замшелая бабка, а целый кандидат педагогических наук! – сказала Натка и растроганно хлюпнула шампанским. – И учить нас будут по специальной программе, в которую с первого же года входят азы экономики и иностранный язык!

– Экономика – в первом классе? – искренне удивилась я. – Не рановато ли?

– Такое время, Лен, – философски развела руками сестра. – И люди теперь такие... Это нам с тобой на карманные расходы по десять-двадцать копеек давали, а у Сенькиных одноклассников совсем другие бюджеты, ими надо учиться распоряжаться смолodu... Ну, давай за Сеньку? За его первый шаг к большому жизненному успеху!

– За Сеньку грех не выпить, – согласилась я.

Мы сдвинули фужеры – бабушкины еще, тяжелые, темно-красного граненого стекла – и по кухне поплыл хрустальный звон. Привычно торжественный...

И чуточку печальный.

Август

– Мам, а что такое «общий сбор»? – крикнул Сенька уже с лестничной площадки.

Под прикрытием распахнутой двери он незаметно расстегнул тугой воротничок рубашки и потряс головой, возвращая прилизанным мокрым вихрам привычный рельеф и объем.

– Знаешь, что такое «сбор урожая»? – вопросом на вопрос ответила Натка из прихожей, приблизив лицо к зеркалу, чтобы проверить, симметрично ли она накрасила глаза.

Вроде одинаковые получились. Хотя говорят, что полной симметрии в человеческом лице не бывает.

– Это когда бабушки из деревни клубнику и яблоки ведрами тащат? – Про сбор урожая Сенька кое-что знал.

– Да. Так вот наш сегодняшний общий сбор – это совсем другое. – Натка убедилась, что ее макияж идеален, сунула ноги в босоножки и выпорхнула из квартиры. – Никаких деревенских бабок с ведрами ты не увидишь!

В этом она была абсолютно уверена – насмотрелась на контингент родителей во время приемных экзаменов. Преимущественно на мамочек, разумеется: отцы будущих первоклассников, по всей видимости, решали финансовые и организационные вопросы, пребывая где-то в тылу и не появляясь на передовой.

На собеседование в школу деток приводили мамки-няньки, тетушки-бабушки – отличить, кто есть кто, было порой трудно. Все без исключения дамы выглядели ухоженными и состоятельными, что Натку, признаться, нервировало. Ухоженной она бывала не всегда, а состоятельной – вообще никогда. Не считать же состоянием те несколько сотен тысяч, которые достались ей от совестливых «бывших» и вообще-то имели целевое назначение: «на Сеньку». На его образование, если точнее.

Определяя единственного и горячо любимого сына в элитную школу, Натка не подумала о том, что вынуждена будет принимать участие в регулярных модных показах и конкурсах красоты.

По опыту собственной школьной жизни Натка наивно полагала, что станет посещать учебное заведение пару раз в год, как это когда-то делала вырастившая их с Леной бабушка.

Давно это было...

В те благословенные времена родители ребенка с удовлетворительной успеваемостью и приемлемым поведением при некотором везении могли за десять лет не выяснить даже имя-отчество директора школы.

«На ковер» для личной встречи их без серьезной нужды не вызывали, а вся дипломатическая переписка сводилась к редким записям в дневнике, куда лишний раз никто не заглядывал.

Помнится, хитрая Натка прекрасным образом собственноручно расписывалась в своем дневнике за бабушку.

То ли дело теперь!

Учебный год еще не начался, а у Натки в телефоне завелось уже два важных чата, требующих постоянного внимания: учительский и родительский.

И в том и в другом появление на пресловутом общем сборе в формате «1+1» – ребенок и родитель – было представлено как жизненно важная необходимость.

Натке пришлось выдержать серьезный бой с начальником своего редакционно-издательского центра, чтобы закончить рабочий день на целых три часа раньше положенного – иначе ей было не успеть на этот самый сбор.

«Другие-то мамашки, наверное, просто не ходят на работу», – запоздало поняла она.

И впервые задумалась: а потянет ли она эту школу? Не Сенька, – тот умный и осилит хоть Гарвард, – а именно она, Натка?

Вопрос касался не внешности или манер, по этим параметрам Натка никому никогда не проигрывала. Речь шла о том, что у нее, в отличие от благополучных богатеньких мамочек, имелась постоянная работа и вовсе не было желания тратить избыточно много времени и сил на школьные дела.

– А на этом сборе будет весь наш класс? – пытал ее возбужденный Сенька по дороге в школу. – И учителя, и родители? Перезнакомимся – и что? Мы все куда-нибудь пойдем?

– Потерпи – и все узнаешь, – отвечала Натка, хотя в чатах у нее была детально расписана вся программа сегодняшнего сбора.

Она нервничала.

В чатах не был прописан дресс-код мероприятия, а Натка снарядила их с Сенькой исходя из собственных соображений и персонального чувства прекрасного. Внутренний голос запоздало подсказывал ей, что синие льняные шорты и белая футболка – это у Сеньки – и в меру элегантное штапельное платье в горошек – у нее – могут и не вписаться в коллекцию модных нарядов, представленных на общем сборе первого «А».

Увы, так и вышло.

Уже на подходе к Шоко-школе Натка отметила, что местность вокруг вдруг резко очистилась от бюджетных автомобилей: в ареале обитания шоко-школьников преобладали дорогие иномарки.

За поворотом открылся вид на школьное здание, и Натка в очередной раз залюбовалась: красота-то какая! Не типовая многоэтажная громадина, похожая на бетонную коробку, а небольшой особняк – новый, но удачно стилизованный под старину.

Красные кирпичные стены, белая лепнина, блестящая от воска дубовая дверь, широкая беломраморная лестница, по обе стороны от нее – ухоженные цветники и расходящиеся двумя крылами вереницы пышных голубых елей, закрывающих вид на задний двор. Там, как Натка знала, прячутся от завистливых глаз самых обычных – не причастных к Шоко-школе – жителей микрорайона хорошо оборудованные спортивные площадки, теннисный корт и даже небольшое поле для гольфа.

Тут Натка торжествующе улыбнулась: знай наших!

Арсений Кузнецов будет учиться в лучшей школе! Зря, что ли, его любящая и заботливая мамочка так старалась добыть деньги на образование единственного сына?

Но долго гордиться собой у Натки не вышло.

В школьном дворе замелькали, зарябили приметы состоятельности и успешности: клетки Burberry, полоски Гуччи, шоколадные квадратики с монограммами Луи Виттон, сцепленные полукольца Шанель, сдвоенные буквы Дольче Габбана и Calvin Klein, растрепанная Медуза Горгона Versace, стилизованный листик клевера Givenchy, крокодилчики Lacoste – и Натка осознала, что ее внутренний голос был огорчительно прав: общий сбор класса – это та еще ярмарка тщеславия.

Хорошо еще, что на Сеньке фирменные кроссовки с тремя узнаваемыми полосками...

– Помоги нам, святой Адидаас, – пробормотала Натка и шире расправила плечи, переключая внимание присутствующих со своего симпатичного, но не брендового платья на его вырез, весьма богатый содержанием.

Сенька, совершенно не озабоченный вопросами формы, унесся знакомиться с одноклассниками, но не преуспел в этом. Нарядные мальчики и девочки держались чинно, отстраненно, в компании и группы не сбивались, от сопровождающих их взрослых не отходили.

Натка быстро осмотрелась: родители вновь были представлены преимущественно мамочками. И у всех без исключения дам был такой парадный вид, будто на школьный двор они высадились дружным десантом прямиком со сцены конкурса красоты «Миссис мира».

Даже одна темнокожая дамочка была – не негрityанка, но загорелая почти до черноты! Не иначе все лето на каких-то солнечных островах провела. Нигде поближе школы не нашла...

Натка осознала, что начинает злиться, и заставила себя успокоиться. Разве она не понимала, что Сенька будет учиться с детьми весьма обеспеченных людей?

Понимала, конечно.

Как было это не понять, когда затребованный с нее вступительный взнос составил внушительную сумму с пятью нулями? Да за эти деньги можно было год отучиться на платном отделении университета, а не в первом классе общеобразовательной школы!

– Мам, а чего все такие... как неживые? – вернулся к ней обескураженный Сенька.

– Не переживай, это ненадолго, – успокоила его Натка. – Во всяком случае, дети скоро оживут, я уверена.

На то, что красавицы мамыши перестанут быть ходячими куклами, она не надеялась. Эти женщины слишком много денег, сил и времени потратили на то, чтобы приобрести максимальное сходство с нарядными манекенами из витрин бутиков...

– Они прям как зомби! – поежился простодушный Сенька. – Мам, а они когда оживут, не нападут на нас с тобой?

«Хороший вопрос», – подумала Натка, а вслух сказала:

– Сын, стой спокойно. Сейчас не время для шуточек.

Из блестящей дубовой двери на беломраморное крыльцо выступила величественная дама лет пятидесяти. Синий брючный костюм, белая в голубую полосочку блузка, замшевые лоферы. На лацкане – значок с эмблемой школы, на носу очки от Гуччи, в руках большая книжка в красной кожаной обложке, на которой отчетливо выделялась наклейка с цифрой и буквой: 1-А.

– Учительница первая моя! – громко, нараспев, с комичным умилением произнес разговорчивый и неутомимый Сенька.

Послышались смешки. По крайней мере, некоторые куклы проявили живые человеческие эмоции.

Натка приободрилась.

Учительница ей понравилась: солидная, важная, внушительная, как деревянная дева на носу старинного корабля. Не пигалица какая-нибудь сразу после пединститута, а серьезная классная дама, такая точно понимает толк в дисциплине. А дисциплина – это Натка знала по своему Сеньке – такое же важное условие успешного воспитания, как чистота – залог здоровья.

– Добрый день, ученики первого «А» и их родители, приветствую всех собравшихся, – коротко покосившись на Сеньку с молитвенно склеенными ладошками и вновь устремив взгляд вверх голов присутствующих, хорошо поставленным голосом звучно произнесла классная дама. – Меня зовут Яна Арнольдовна Герц, и ближайшие четыре года мы с вами проведем в самом тесном контакте. Для вашего понимания: я профессиональный педабработник, аттестованный на высшую категорию, учитель с двадцатипятилетним стажем, кандидат педагогических наук. По моему глубокому убеждению, работать учителем – это дело не одного дня, а всей жизни. Чтобы отважиться на эту профессию, нужно обладать силой воли, железной самодисциплиной, высокой ответственностью, наблюдательностью и – самое главное – желанием обучать детей.

«А любить их не нужно?» – тихо вякнул Наткин внутренний голос, но не был услышан.

Дети и взрослые, как замороженные, внимали внушительной Яне Арнольдовне.

Классная руководительница обвела аудиторию внимательным взглядом, сдержанно улыбнулась, явно довольная произведенным впечатлением, и кивнула кому-то:

– Пожалуй, начнем.

На крыльцо вспорхнула сухоощавая женщина неопределенного возраста: по ее гладкому лицу и обезжиренной фигуре нельзя было с уверенностью сказать, сколько ей – двадцать пять, сорок пять? Синяя юбка-плиссе и кремовая шелковая блуза молодили даму, придавая ей сходство со школьницей.

– Всем добрый день, рада познакомиться, я Алена Дельвиг, председатель нашего родительского комитета, – оживленно проговорила дама. – Во-первых...

– А что, у нас уже есть комитет? – перебил ее один из немногих присутствующих мужчин.

У него был важный вид и округлая фигура статусного чиновника со стажем. Судя по недовольной гримасе, он не одобрял самопроизвольно образующиеся комитеты.

– У нас уже есть председатель! – чуть смущенно улыбнулась Алена Дельвиг. – Что же до комитета, то мы будем рады абсолютно каждому, кто пожелает и сможет принимать деятельное участие в его работе. Да, Яна Арнольдовна? – она оглянулась на учительницу, и та величественно кивнула. – Но давайте продолжим этот разговор чуть позже, после того, как отпустим наших милых крошек. Солнышко еще припекает, не будем задерживать малышей под открытым небом.

Заботливые родительницы закивали. Многие из них и сами не хотели задерживаться на солнышке – был риск, что идеально нарисованные лица потекут и размажутся.

– Давайте поделимся: дети налево, родители направо! – Алена Дельвиг взмахнула руками как дирижер и бесконтактно развела толпу по разные стороны мраморной лестницы. – Отлично! Дорогие ребята, для вас у меня чудесная новость: вы отправляетесь в увлекательное часовое путешествие – на экскурсию по нашей прекрасной школе! Ваш провожатый – уважаемый Олег Иванович, учитель физкультуры, прошу любить и жаловать!

Из-за елочки бесшумно выступил подтянутый мужчина со свистком на выпуклой груди, с ног до головы в сине-белом с узнаваемыми полосочками.

«Вот уж кому точно помогает святой Адидаас», – ехидно заметил Наткин неугомонный внутренний голос.

«Цыц», – окоротила его она.

Физкультурник ей тоже понравился. Он очень приятно отличался от пузатых обрюзгших дядек, преподававших этот предмет в школе Наткиного детства.

– Для вашего понимания, – подала голос Яна Арнольдовна, – Олег Иванович – мастер спорта по плаванию, неоднократный призер городских соревнований, дипломированный тренер со стажем работы более десяти лет.

Некоторые мамочки, не сдержавшись, зааплодировали.

– Первый «А», строимся парами и идем за мной, – немного рисуясь, сказал польщенный Олег Иванович детям и дунул в свисток.

Малышня, враз ожив и потеряв всякую чопорность, заметалась, кое-как слепилась попарно и потянулась за тренером в елочки.

Оставшиеся во дворе родители проводили кривую шеренгу новобранцев умиленными взглядами и вздохами.

– Ну а мы с вами, уважаемые родители, проследуем в класс, куда нас любезно приглашает Яна Арнольдовна! – возвестила председательша родкома. – Смелее, смелее! Поднимаемся, проходим, сегодня у нас есть такая уникальная возможность – впредь для того, чтобы войти в здание школы, надо будет предъявить охраннику паспорт.

Школьный класс, закрепленный в качестве базы за первым «А», Натке очень понравился. Просторное, светлое помещение, не захламленное шкафами с тоннами макулатуры, без самодельных учебных пособий на свежеекрашенных стенах.

– Сегодня рассаживаемся, как кому нравится, а в следующий раз уже будем занимать законные места своих детей, – сказала Алена Дельвиг и никуда не села, а столбиком замерла у доски – довольная, как отличница, получившая очередную возможность блеснуть перед классом своими знаниями. – Сначала Яна Арнольдовна расскажет нам, какими официальными документами будет регламентироваться школьная жизнь наших первоклашек.

– Это, во-первых, классный журнал, – сообщила учительница и подняла повыше свою красную книжицу с наклейкой. – Кроме того, годовой график учебных мероприятий, а

также планы: уроков на каждый день в течение всего учебного года, самостоятельных работ и контрольных зачетов, внеклассных мероприятий и праздников.

– Зачетов? – охнул кто-то из родителей.

– Ну вы же не думали, что учиться в элитной школе будет так же легко и просто, как в обычной? – снисходительно улыбнулась Яна Арнольдовна. – Да, нам предстоят самостоятельные работы, зачеты и даже некое подобие экзаменов. Готовьтесь также к творческим работам, они у нас будут постоянно, равно как и разнообразные конкурсы, участие в которых – важный показатель успешности каждого ученика.

По классу пронесся вздох.

Похоже, многие родители не ожидали, что гандикап продолжится. Казалось бы – конкурс прошли, за обучение заплатили, чего же еще?

– А теперь давайте поблагодарим за полезную информацию и отпустим нашу дорогую Яну Арнольдовну, а сами с ее позволения немного задержимся для решения ряда важных вопросов, не имеющих непосредственного отношения к учебному процессу, – сказала Алена Дельвиг и с редкой предупредительностью отодвинула стул учительнице, чтобы после ее ухода тут же сесть на это место самой. – Итак, дорогие мои, поговорим, что называется, без протокола.

Натка поняла, что официоз закончился.

Алена Дельвиг вышла из образа отличницы, устало улыбнулась и заговорила тепло, душевно:

– Дорогие друзья, на ближайшие годы мы все с вами – одна большая многодетная семья.

На задней парте кто-то басовито хохотнул:

– Пятнадцать спиногрызов – попробуй прокорми!

– Вот именно! – кивнула председательша. – Поэтому давайте поговорим о финансах.

– Опять? – вырвалось у Натки.

– И снова, – хищно улыбнулась ей Алена. – А как вы думали? Вот этот класс, помещение, которое, считайте, станет домом для наших дорогих деток. Вы не находите, что в нем чего-то не хватает?

– Чего же? – Натка осмотрелась.

На ее взгляд, в школьном классе было даже кое-что лишнее – полторы дюжины взрослых людей, с трудом умевающих за партами для малышей.

Но у председательши было собственное мнение по этому поводу.

Она торжественно извлекла из сумки «Биркин» подготовленный список и озадачила присутствующих необходимостью приобретения обширного приданого для воистину дорогих перwokлашек.

– Ладно еще, шторы тюлевые и плотные солнцезащитные, кулер на холодную и горячую воду, собственно питьевая вода в бутылках и одноразовые стаканчики, непременно бумажные, потому что пластиковые – это вредно, пошло и неэкологично, – возбужденно пересказывала мне Натка вечером по телефону.

Голос ее прерывался то смешками, то гневным рычанием, интонации были странные: страдальческие и одновременно горделивые.

– Но плодоносящие лимонные деревья в горшках, четыре штуки, по одному на каждый угол класса – на фига?!

– А и в самом деле? – заинтересовалась я. – Чтобы делать деткам витаминный лимонад, потому что простая вода из кулера – это скучно и пошло?

– Интересная мысль, – Натка чуть притормозила, но тут же снова ускорила, торопясь поделиться со мной шокирующей информацией. – Но – нет! Нам жизненно необходимы плодоносящие цитрусовые, потому что они обладают антибактериальными свойствами и спо-

собны обеззараживать воздух в помещениях. По той же причине в классе обязательно должны быть – вот я тебе сейчас список зачитаю – хлорофитрум (он нейтрализует формальдегиды, выделяемые некоторыми отделочными материалами), аглаонема (она повышает работоспособность и сопротивляемость стрессам), хедера (уничтожает аллергены), бамбуковая пальма, она же Хамедорея изящная (очень активный воздушный фильтр), гербера Джеймсона, драцена и фикус! Ты, кстати, знала, что фикус поглощает из воздуха бензол, трихлорэтанол и пентахла... хлу... нет, пен-та-хлор-фе-нол, вот? Фактически ими и питается!

– У нашей бабушки был фикус, – припомнила я. – Он питался без затей – слабым раствором птичьего помета...

– Вот! А эти наши классные джунгли придется поливать специальными жидкоминеральными подкормками для декоративно-лиственных растений с уникальным комплексом микроэлементов! – Натка зашуршала бумагой – не иначе, нервно теребила свой длинный список. – Короче, на растения с нас собирают пока по четыре тысячи, на горшки и кашпо для них еще по две, плюс отдельно уже сейчас надо будет оплатить работу садовника и ландшафтного дизайнера. Ландшафтного, так его, дизайнера, Лена! Потому что всю эту ботву никак нельзя расставить в классе как попало, нужен специальный проект и авторский надзор за его исполнением!

– Еще по тысяче? – предположила я, не зная, сочувствовать или смеяться.

– Это как минимум! – Натка застонала и вновь зашуршала бумагой. – Слушай дальше. Сплит-систему мы меняем, потому что она старая – ее еще предыдущий выпуск на свое начало учебы покупал, и с точки зрения гигиены теперь, видите ли, проще купить новую, чем избавиться от накопившейся там заразы. Плюс отдельно увлажнитель воздуха и озонатор, чтобы лишний раз не пользоваться сплитом, потому что некоторые детки склонны к простудам.

– Ого! – я прикинула уровень затрат. – Еще по пятерке?

– Ах, если бы! Мы же еще должны поставить видеокamеры и систему типа «Умный дом», кстати солнцезащитные шторы нужно как-то в нее включить, чтобы учительница могла управлять ими с пульта, – тут Натка пробурчала что-то про лентяйку, у которой руки бы не отвалились, и договорила на выдохе: – Ну и лампы надо все заменить, чтобы были современные, с энергосберегающими технологиями. Итого – округляя, по пятнашке с каждого.

– А надо было не выпендриваться и в районную школу идти, – не удержалась от запоздалого совета я. – В обычную, с деньгосберегающими технологиями.

– Не хочу я в обычную, – надулась сестрица. – Мой сын достоин самого лучшего!

– Тогда не ной и раскошеливайся, – припечатала я.

И Натка вздохнула, но смолчала.

Элитная школа – это была ее собственная идея фикс.

Я настоятельно советовала сестрице не заноситься и выбрать для нашего первоклассника нормальную школу поближе к дому. Сам же Сенька и вовсе предпочел бы ни в какую школу не отдаваться, он даже лоббировал идею обучаться на дому у любимых стариков в деревне – благо, те оба бывшие учителя.

Но надо же знать Натку!

Моя дорогая сестрица – вертихвостка и транжира, не накопившая ни капиталов, ни опыта управления ими. И вдруг у нее заводятся денежки, которые жгут мотовке руки. Спустить их на какую-нибудь ерунду не позволяет совесть, а вот потратить на такое благое дело, как обучение ребенка, ничто не мешает...

Конечно, если бы можно было, минуя начальную и среднюю школу в родном отечестве, пристроить Сеньку сразу в заграничный Гарвард, Натка так и сделала бы. Боюсь, через десять лет на Гарвард у нее уже не хватит, что-то слишком высоко задирает финансовую планку элитная московская школа...

С другой стороны, что хорошего я могу сказать о собственной школе, положив руку на сердце? Я, которая всегда была отличницей, любимицей учителей и окончила ее с золотой медалью?

В начальных классах, помню, я мучительно – куда там Гамлету! – терзалась вопросом: зачем я здесь? В первом «В» средней школы номер десять? И почему я здесь так долго?

Мне казалось, умения уверенно читать, писать и считать совершенно достаточно для того, чтобы вести роскошную жизнь свободного взрослого человека.

Бабушка, помнится, над этим моим убеждением тихо похихикивала, уверяя меня, что школа даст мне еще много разных полезных знаний.

Дала ли?

Ну, не знаю...

Если честно, мои школьные знания имеют фрагментарный характер. Чуть-чуть математики, немного химии и физики, биология урывками...

Инфузория туфелька. Зелененькая такая.

Законы наследственности – иллюстрацией в памяти голубоглазая муха.

Бойль и Мариотт – убей, не помню, что они открыли, на слух ассоциируются исключительно с бойлером и мировой сетью отелей.

Менделеев, увидевший свою таблицу во сне, – везунчик, предмет вечной зависти.

Квадратный корень – помню значок, синус и косинус – не отличу один от другого.

Парабола – это кривая, по которой летит на диван брошенная с порога в комнату сумка.

Биссектриса – это крыса, которая бежит по углам и делит их пополам.

Пифагоровы штаны во все стороны равны...

Вот, я уже прочно сбилась на школьный фольклор. С гуманитарными науками у меня дела обстоят гораздо лучше, но это не потому, что нам их хорошо преподавали, просто я всегда очень много читала.

А мои учителя? Среди них были и очень приятные люди, и вовсе наоборот.

Наша старенькая учительница математики даже к пятиклашкам обращалась на «вы», а вот преподаватель географии орал на нерадивых учеников в полный голос и регулярно разбивал о свой стол деревянные указки.

Химичка имела привычку приходить на уроки в бигуди – их стыдливо прикрывала вязаная мохеровая шапка.

Учительница истории – милейшая женщина, мой фаворит среди школьных педагогов – к рассказу о войне Алой и Белой розы непонятным образом могла приплести подробности своей собственной личной жизни, так что нам, коварным школярам, ничего не стоило превратить ее урок в балаган.

Возможно, мне не слишком повезло со школой. Сашка говорит, что в ее школе учителя «ниче так, норм». Но если даже мы – я, Натка, наши одноклассники и однокашники – вынесли хоть что-то полезное из школы, которая была далеко не идеальной, выросли, выучились и стали приличными людьми – то каким же трамплином в жизнь может стать элитное учебное заведение?

Сеньке, счастливцу, выпал шанс, которого у нас не было.

Сентябрь

Первого сентября Натка плакала. Расчувствовалась!

А как она могла не расчувствоваться?

Все было так торжественно и красиво!

Клены у широко распахнутых по случаю праздника школьных ворот прощально шуршали и время от времени роняли резные листья, как скупые слезинки.

Темные ели у крыльца зеленели сурово, но жизнеутверждающе. Мол, будет трудно, но вы, дети, молодые побеги, обязательно прорастете сквозь бетон.

В школьном дворе волновалось синее, в белой пене кружев и бантов, живое море: базовым цветом форменной одежды шоко-школьников была «берлинская лазурь».

Натка, не первый год работающая на верстке в газете, с дизайнерской таблицей «Пантон» была знакома и названию цвета школьной формы не удивилась.

Поначалу.

Потом-то у нее возникли смутные сомнения: а случайно ли эта их лазурь – именно берлинская?

– Анна Беккер! София Вагнер! Герман Дельвиг! – проводила переключку своих новобранцев учительница Яна Арнольдовна Герц.

Как на подбор, одни немецкие фамилии...

– Ольга Кляйн! Арсений Кузнецов!

– Прямо будто в гестапо нас с Сенькой затащили, – пробормотала себе под нос Натка, ощущая себя несколько неуютно.

Как будто они с Сенькой не такие, как все тут.

Как будто они хуже других.

А почему это они хуже?

Потому что на Натке бриллиантов нет, как на других мамашах?

Так это же не говорит о том, что у нее этих бриллиантов вовсе не имеется.

Да у нее, может, дома целая куча этих бриллиантов! Полный комод. И все семейные, от прапрабабушки, личной фрейлины государыни императрицы.

Просто Натка воспитана хорошо и не тычет своими бриллиантами в нос окружающим.

Кто вообще надевает платья в пол и драгоценности будним утром?!

Ну кто – Алена Дельвиг надевает.

И мама девочки Вагнер тоже.

Обвешались сверкающими камнями так, что даже лапы елок, по опыту знающих, каково это – в праздничном убранстве щеголять, насмешливо вздрагивают.

Нормальные люди одеты нарядно, но со вкусом, соответственно ситуации: в элегантные костюмы. Как Натка, например, на ней песочного цвета брючная двойка с белой блузкой. Не с миланского показа мод, конечно, но из «Зары», что вполне прилично...

А фрау Дельвиг и Вагнер шуршат шелками и бархатом, звенят браслетами...

Вееров из павлиньих перьев им не хватает – прятались бы за ними, шушукаясь, чтобы не нервировать нормальных людей.

Очень Натке не нравилось то, что, шушукаясь, фрау поглядывают на нее.

И что им не так, спрашивается?

Она красивая молодая дама и держится с достоинством, благородно – вон, до сих пор не схватила шушукающихся фрау за бархатные бретельки, не встряхнула пыливо: в чем дело? Какие ко мне претензии?

С Мариной Вагнер Натка уже разговаривала накануне.

Эта самая Марина первой составила компанию Алене Дельвиг в родительском комитете и обзванивала всех остальных накануне со странным вопросом:

– Вы требования к букетам знаете?

– Требования к букетам? – озадачилась Натка.

В ее школьные годы никаких требований к букетам не существовало. Желательно было, чтобы он, букет этот, имелся, но если нет – ничего страшного. Приносили с собой, как говорится, праздничное настроение, оно и служило самым главным украшением.

– Родительский чат не читаете? – Марина Вагнер укоризненно поцокала языком, мол, с кем приходится дело иметь, совершенно безответственные люди! – Вчера же написали: взрослые букеты – только розовые. В смысле, из роз. Это любимые цветы Яны Арнольдовны. Розы берем только красные или бордовые, лучше всего эквадорские, длина стебля до метра, размер цветка порядка десяти сантиметров. Не заворачиваем!

– Но почему?..

– Что – почему? – Марина быстро теряла терпение. – Непонятно, что с завернутыми букетами потом возиться долго? И домой их везти как? А пятнадцать однотипных розовых букетов мы аккуратненько в клееночку завернем, срезы влажной тряпочкой обернем, в багажник положим и довезем куда надо в лучшем виде. Хоть домой, хоть в магазин на реализацию, если Яна Арнольдовна предпочтет деньгами...

Натка никогда раньше не задумывалась о том, что происходит с букетами, подаренными учителям. Да, если рассматривать их с точки зрения оптимизации и монетизации, деловитая Марина Вагнер права...

– Хорошо, мы купим розы, – сказала она в трубку. – Но стебли метровой длины – это не слишком ли? Детей за ними видно не будет!

– Вы чем слушаете, Наталья? – рассердилась фрау Вагнер. – Я же по-русски сказала: это взрослые букеты! Те, которые принесем и вручим мы, родители! С детьми, конечно же, другая история...

– То есть нужны два букета?!

– Разумеется! Букеты первоклассников должны быть небольшими, округлыми, и вот их мы тщательно упаковываем, чтобы ребенок не запачался пылью, не укололся шипами, не намочил форму.

– А...

– Позвольте, я договорю! Детский букет – обязательно яркой расцветки! У нас будет фотосессия и видеосъемка, пожалуйста, не испортьте общую картинку какими-нибудь унылыми темными ирисами или бурыми астрами.

Натка поперхнулась невысказанными словами.

Красно-коричневые астры для нее лично были символом Первого сентября.

Бабушка всегда покупала им с Леной именно такие, а иногда еще ярко-желтые дубки: это были самые дешевые цветы, и их характерный запах – густой, торжественный и строгий – идеально подходил грустному празднику, отсекавшему очередное лето, полное тепла и свободы.

Бабушке нравились темно-красные астры, она всегда готовила три букета: один – для Лены, второй – для Натки, третий – в вазу из толстого синего стекла. Вазу она ставила на комод, поверх кружевной белоснежной салфетки...

Натка с Леной возвращались из школы – слегка утомленные первым после долгих каникул учебным днем, возбужденные праздником и встречей с одноклассниками, полные впечатлений и смутного беспокойства: впереди очередной школьный год, новые предметы, заботы и тревоги... А дома их встречал и обволакивал горьковатый, как успокаивающий чай, запах красно-бурых астр...

Они потом такие же астры на бабушкиной могилке посадили.

– Имейте в виду: если астры, то только сорта Страусово перо, Дюшес, Американская – крупные, шарообразные, белые или розовые. В принципе, можно еще георгины, только не темные. Гладиолусы не берем, они не в тренде. Да, самое главное! – Марина заволновалась пуще прежнего. – Никаких лилий!

– А с лилиями что не так?

– Ну здравствуйте! Это же сильнейший аллерген! Не забываем, что цветы до конца дня будут стоять в классе, где сидят ученики! У вашего ребенка нет аллергии?

– У нашего – нет. У нас все больше по-простому: коленки сбитые, шишки, ссадины...

Натка благоразумно умолчала о типичной Сенькиной «болячке» – расстройстве желудка из-за съеденных прямо с дерева незрелых абрикосов. И правильно сделала – Марина и шишкам со ссадинами ужаснулась:

– В каких условиях у вас мальчик живет?! Надо быть как-то ответственнее!

– Надо – будем, – устало согласилась Натка, которой очень хотелось поскорее закончить этот разговор.

Было уже семь часов вечера. На сковородке в кухне вовсю шкворчали котлеты, соперничая запахом с ароматом темно-красных астр, которым только что запретили идти завтра в школу.

– Так про букеты все вам понятно? – настойчиво уточнила Марина. – Вы сможете соответствовать требованиям? Если есть проблемы с подбором цветов, еще не поздно добавить вас в общий заказ, цена вопроса шесть тысяч рублей, можете прямо сейчас перебросить мне их на карту и спокойно подходить завтра утром – букеты подвезут прямо к школе.

– Спасибо, не беспокойтесь, мы справимся сами, – вежливо ответила Натка и закончила телефонный разговор, решив, что Марина Вагнер ей не указ.

Сенька пошел на праздник с бабушкиными астрами.

– Традиции – это святое, – непримиримо сказала Натка и сама сфотографировала нарядного сына с букетом из темно-красных пушистых звездочек.

И ничего они не испортили картинку – очень красивые снимки получились.

Впрочем, компромисса ради Натка купила еще в переходе у метро пять долговязых бордовых роз.

А половину темно-красных астр оставила дома – в старой вазе из толстого синего стекла, стоящей поверх салфеточки на комод.

– Да чтоб тебя!

Телефон завибрировал, передавая дрожь расшатанному столу и клавиатуре, когда Натка под приглядом корректора спешно вносила правки в верстку.

Новая юная журналистка, взятая на испытательный срок, с ходу отличилась и насажала в тексте ошибок. И каких! Вместо «освящение» написала в заголовке «освещение»: «В столице прошло освещение нового собора».

– Это, видимо, про переход от свечей к электричеству? Отличная новость! – язвила корректор – дама строгая, из тех, кого в интернете называют «граммар-наци».

А Натка из-за затрясшегося стола позорно промахнулась мимо нужной буквы и добавила в злополучный текст опечатку от себя лично.

– Прошу прощения, – сказала она корректорше. – Слушаю! – а это уже в телефон.

– Наталья, дорогая, здравствуйте! Это Алена Дельвиг из родительского комитета, – мелодично зажурчал голос в трубке.

– И вам не хворать, – пробурчала Натка и наконец исправила «освещение» на «освящение». – М-м-м?

Она вопросительно покосилась на корректоршу, та неохотно кивнула – мол, да, теперь все в норме – и отошла.

– Наталья, нам с вами обязательно нужно встретиться! – сказала Алена в трубке. – Это крайне важно, вопрос касается...

– Денег? – безрадостно предположила Натка.

– Нет! Какие деньги? Речь о детях!

– Дети – цветы жизни, – зачем-то сказала Натка.

Это прозвучало очень веско.

– Вот именно, – после короткой паузы согласилась Алена. – Как у вас сегодня со временем, сумеете выкроить полчаса для важной беседы?

– Могу с тринадцати до половины второго, – сказала Натка.

Вообще-то обеденный перерыв у нее был с часу до двух, но фрау Дельвиг просила только полчаса, так зачем же давать ей больше? К тому же Натке нужно было еще успеть пообедать. И сделать это она собиралась в недорогой служебной столовой, а не в каком-нибудь пафосном заведении.

В том, что председательша не назначит ей встречу в сквере на лавочке, Натка не сомневалась: это наши люди не ездят в булочную на такси, а такие вот фрау без понтов и шагу не ступят.

– Вы же где-то в центре находитесь? – всезнающая Алена Дельвиг озвучила местоположение Наткиной редакции и уточнила: – Я правильный адрес называю?

– Угу.

– Тогда давайте попросту, без церемоний, как две студентки, – в час дня в «Старбаксе», он у вас там рядышком, – предложила фрау.

– Договорились.

Натка выключила телефон и вернулась к работе.

В ее представлении для встречи а-ля девочки-студентки «попросту, без церемоний» гораздо больше подходило демократичное уличное кафе, но и «Старбакс» был не худшим вариантом. Чашка кофе за двести сорок рэ ее не разорит.

И на какую-токую важную тему хочет поговорить с ней Алена Дельвиг?

В «Старбакс» Натка вошла в тринадцать ноль две в состоянии скрытого беспокойства.

Председательша родительского комитета почему-то стойко ассоциировалась у нее с неприятностями. Хотя с виду – премилая дама, вся такая изящная и благородная... Серо-сизое шелковое платье, туфли с красной подошвой, в ушах серебристые жемчужные горошины – хоть сейчас на бал в Дворянское собрание!

Натка одернула помявшуюся за работой белую блузку, поправила ремешок летних брючек, глянула на свои замшевые лоферы из интернет-магазина – пыль бы с них стряхнуть, хотя зачем, они же от этого не превратятся в лабутены...

– Добрый день! – Алена, которая уже ждала за столиком, встала и по-мужски протянула Натке руку – подчеркнула деловой характер встречи. – Спасибо, что нашли время встретиться...

– У меня всего лишь полчаса. – Натка села и оглянулась на барную стойку.

– И их нелегко выкроить, понимаю, тоже спешу почистить перышки. – Алена отвернулась от Натки, чтобы первой сделать заказ подоспевшей официантке. – Нитрокофе есть у вас? А колдбрю? А что есть? Ой, ну давайте что-нибудь холодненькое на фундучном молоке... Нет фундучного? Ладно, на миндальном.

– Капучино, – коротко сказала Натка, отвечая на невысказанный вопрос в усталом взгляде официантки. – Маленький, с сахаром, на нормальном человеческом молоке.

– А вы готовите на человеческом молоке?! – захлопала глазами Алена Дельвиг.

– Я имела в виду коровье, – объяснила Натка и поймала дружелюбную улыбку повеселевшей официантки.

Что ж, можно надеяться, что ей тут не плюнут в кофе. А вот Алене стоило бы обеспокоиться. Никто не любит капризных выпендрежников, особенно заморенные работники общепита.

– О, это остроумная шутка! – Алена покивала Натке. – Я оценила. Мы, Дельвиги, знаем толк в фигурах речи и изящной словесности. Наш знаменитый предок...

– А вы принадлежите к потомкам того самого Дельвига?

– Это фамилия моего мужа, – несколько скисла Алена.

– А он тоже поэт?

– Нет, он инвестор, и успешный... А вы знаете, что из лицейских поэтов именно Дельвиг был первым, кто стал печататься в журналах? Он, а не Пушкин. Думаю, это семейная черта Дельвигов – успевать раньше других, – Алена подмигнула Натке и безмолвным кивком отпустила девушку, которая принесла им кофе.

– Спасибо, – сказала Натка в спину уходящей официантке. – Так о чем вы хотели поговорить?

– О вашем мальчике, – Алена пригубила свой напиток и покривилась. – Мята несвежая... Так вот, о чем я? Если помните, Яна Арнольдовна еще на первом собрании предупреждала, что ей понадобятся анкеты на всех учеников класса с контактными данными и полной информацией о ребенке. Думаю, вы понимаете, что учитель должен знать о каждом ребенке все, ведь любой пробел может обернуться проблемой. К примеру, у одного из мальчиков непереносимость лактозы, и это нужно учитывать при заказе питания, ему будут давать кокосовое молоко вместо, как вы выразились, «обыкновенного человеческого».

– У моего сына нет никакой пищевой аллергии и ограничений по питанию.

– Да-да, я знаю, на днях он приносил в класс какие-то цветочки и предлагал всем пробовать, какие они сладенькие, – усмехнулась фрау Дельвиг.

– Клевер, наверное, – Натка против воли покраснела.

Может, капризуля-выпендрежница думает, что Сенька недоедает? Ее мальчик так голоден, что питается подножным кормом?

– Мы в детстве называли эти цветочки «кашками». Они действительно сладкие, их надо сосать...

– Спасибо, не нужно интимных подробностей, – неприятно засмеялась Алена – пошутила, так сказать, показала, что тоже знает толк в изящной словесности. – Я, собственно, хотела обратить ваше внимание на то, что вы заполнили анкету невнимательно, целый ряд вопросов оставили без ответов. А это важные вопросы...

– Какие же? – Натка отхлебнула капучино – вкусный! – и поставила чашку на блюдце, постаравшись не звякнуть: спокойствие, только спокойствие...

– Ну, например, вы ничего не написали об отце Арсения. Кто он? Чем занимается?

– Чем угодно, только не воспитанием моего ребенка, – Натка особо акцентировала местоимение. – Отец Арсения не играет никакой роли в его жизни и поэтому недостойн упоминания в таком важном документе, как анкета первоклассника, – тут она улыбнулась – мол, шутка! – но довольно прохладно.

– Понимаю, – Алена Дельвиг окинула собеседницу оценивающим взглядом. – У Дельвига, кстати, было три незамужних сестры, и он им всем помогал... А вам кто?

– У меня тоже есть заботливые родственники и верные друзья.

– Тогда, может быть, вместо отца ребенка вы запишете в анкету этих родственников? Чем они занимаются?

– Моя сестра – судья... Слушайте, а зачем вам это нужно? – Натка рассердилась.

– Ну как же! Ведь формируется круг!

– Какой еще круг? – Натка дернулась и толкнула стол. На салфетке под чашкой образовался кружок от пролитого кофе.

– Вы, я вижу, не понимаете, – Алена Дельвиг вздохнула. – А ведь наши дети сейчас – совсем как лицеисты в Царском Селе...

– Не понимаю.

– Бывает, – кажется, фрау ей уже хамила. – В таком случае имеет смысл довериться людям понимающим...

– Вам, что ли? – хамство оказалось заразительным.

– И нам, – Алена снова пригубила свой напиток, поморщилась, поставила бокал и полезла в сумку, горделиво занимающую отдельное место.

Заслуженно: одна эта сумка стоило больше, чем половина мебели в кафе.

Алена достала листок, исписанный собственным Наткиным почерком, и положила его на стол:

– Давайте договоримся, что вы постараетесь устранить пробелы в анкете, насколько вам по силам это сделать. Хорошо?

Натка молча взяла листок. Рука ее вздрагивала. Бумажку хотелось скомкать и бросить в ухоженное лицо улыбающейся фрау.

– Заполненную анкету отсканируйте, пожалуйста, и пришлите Яне Арнольдовне на почту, она указана в чате. До свиданья! – Алена Дельвиг встала, бросила на стол нарочно смятую купюру и простучала каблучками к выходу.

– До новых неприятных встреч, – мрачно пробормотала Натка и попросила у официантки ручку.

Круг, значит, у них формируется?

Ну, пусть будет круг. Они с Сенькой не сдадутся и плотно в нем окопаются.

Как там было у Пушкина, друга того самого Дельвига, которого угораздило оказаться пра-прадедом инвестора?

«Отечество нам Царское Село»...

Октябрь

– Наталья, на минуточку!

Натка остановилась и завертела головой, определяя источник зова.

Вдоль красивого школьного забора, очень похожего на ограду Летнего сада в Питере, тянулся длинный ряд дорогих автомобилей. Преимущественно темного цвета, здоровенных, зверовидных каких-то. Уткнувшись мордами в водосточную канавку по краю выложенного плиткой тротуара, они комично напоминали бегемотов и слонов на водопое. Зверюги беспоякойно возились, ерзали, хлопали дверцами и рычали движками – отъезжали, забрав закончивших занятия детей.

– Наталья!

Из темно-синего «Лексуса» выглянула хорошенькая блондинка.

– Это мама Витальки Лозинского, – подсказал Натке Сенька, выкручивая свое запястье из ее кулака. – Я сам домой пойду, ладно? Ключи у меня есть. Неохота бабский треп ваш слушать.

– Бабский треп? Это кто тебя научил так разговаривать? – опешила Натка.

– Ой, да ладно, а то я не знаю, как девчонки болтают, – Сенька с независимым видом поправил лямки ранца. – Сцепятся языками – и ля-ля-ля, ля-ля-ля... Все, я пошел.

Он дернул плечами, заставив ранец подпрыгнуть, и сам заскакал, заторопился прочь от ошолобевшей Натки.

– Фу-ты, ну-ты, – пробормотала она, провожая сына взглядом. С виду маленький джентльмен, а разговаривает, как... Как старший лейтенант Таганцев, когда тот не пытается изображать галантность! – Чему вас только в школе учат? Мужскому шовинизму?

– Наталья! – вновь настойчиво позвала ее мама Витальки Лозовского.

Или Лозинского? Ну, какого-то там Витальки.

– Да? – Натка неохотно приблизилась к синему бегемоту.

– Хотела предложить подвезти, но вижу, ваш мальчик уже пошел пешком. Вы тут рядом живете? Повезло, нам через полгорода ехать, – затарахтела мама Витальки Какого-то. – А вы меня не узнали? Я Аня Лозинская.

Прав был Сенька, мрачно подумала Натка, ля-ля-ля и ля-ля-ля!

– Вы извините, но я очень тороплюсь, – сказала она разговорчивой Виталькиной маме. – Дела, знаете ли...

– Ой, я прекрасно вас понимаю, сама опаздываю в салон на ноготки, – кивнула красотка-блондинка. – Вы просто не ответили в чате, а это срочно...

Опять этот родительский чат, мысленно вздохнула Натка. Вот уж где ля-ля-ля и ля-ля-ля бесконечно!

За каждым сообщением не уследишь – поначалу она пробовала, но быстро поняла, что важные вопросы бесследно тонут в море ненужных замечаний и лишних эмоций, и перестала пытаться держать руку на пульсе. В конце концов, есть и другие каналы коммуникации – телефон, например. Или вот мама Витальки – общительная Аня Лозинская...

– День Учителя! – заговорщицки сказала Аня, округлив глаза так, что они сделались большими, как у стрекозы. – Вы понимаете? Пора уже что-то решать с подарком. Кляйны предлагали купить набор столового серебра, но это явно преждевременно, такое больше на выпуск годится. Шульцы придумали подарить хороший мольберт – оказывается, Яна Арнольдовна увлекается живописью по номерам, но Трефы справедливо заметили, что не в наших интересах поощрять хобби учительницы, ее дело – детьми заниматься, так что пусть не отвлекается... А у Красицких возникла идея презентовать нашему педагогу старинное украшение, не очень дорогое, как раз в меру, и прямо очень стильное: камей в желтом золоте, под высокий воротничок красивой блузки будет просто идеально. И благородно, и модненько – броши

нынче в тренде... Так вот: вы за Кляйнов, за Шульцев или за Красицких? Нужно выбрать уже, а вы в чате ничего не ответили.

– Пойдите, – от возбужденного стрекозиного стрекотания у Натки закружилась голова. – Яна Арнольдовна учит наших детей всего месяц, а мы уже делаем ей такие дорогие подарки? Я думала, цветы...

– По цветам – это к Вагнерам, у них своя сеть садовых центров, Марина еще прозвонит всем насчет букетов, не сомневайтесь, – снова затарахтела стрекоза Аня. – Короче, вы тоже считаете, что столовое серебро – это чересчур, да? А мольберт – неразумно и как-то слишком фамильярно? Тогда я отмечу, что вы с большинством – за камеею.

– Послушайте, какая камеея!

– А вы фото не видели? Маша Красицкая в чат присылала.

– А Маша Красицкая... – Натка с трудом удержалась и не договорила, как хотелось: «не пошла бы куда подальше со своей камеей?»

Разговорчивая Аня закончила фразу по-своему:

– Да, да, жена того самого Красицкого, который известный антиквар, коллекционер, знаток музейных ценностей, – тут стрекоза хихикнула и закончила шепотом: – Хотя все знают, конечно, что доходы у них преимущественно от своих ломбардов. Ну, зато и камеею эту мы купим недорого, Красицкие по-товарищески отдают ее всего за семьдесят пять.

– Семьдесят пять чего? – Натке захотелось срочно попить холодной водички. Или заорать во весь голос и бухнуть по бегемотовой спине «Лексуса» кулаком.

– Рублей, конечно! Семьдесят пять тысяч рэ, очень удачная цена, хорошо делится, ровно по пятерочке собираем, – расплылась в улыбке Наткина собеседница.

– А не дороговато? – Натка проявляла чудеса хладнокровия.

– Никогда не нужно экономить на обслуживании! – шутливо погрозила ей пальчиком Аня.

Маникюр у нее был идеальный. «Зачем ей еще на ноготки?» – мелькнуло в голове у Натки.

Следом пришла мысль: это заслуженную учительницу приравнивали к обслуживанию?

– У меня няня, которая с младшими сидит, получает восемьдесят тысяч в месяц, – доверительно продолжала тем временем ее собеседница.

– Няня? – автоматически повторила Натка.

– Ну да, няня, у меня же трое деток, Виталька старший...

– Никогда бы не подумала, – так же машинально отреагировала Натка.

– Ой, вы мне льстите, но это приятно, – стрекоза застрекотала громче. – Так вот, я плачу няне восемьдесят тысяч, а у Яны Арнольдовны тут какая зарплата, вы знаете? Всего семьдесят пять! И это при том что на ней одной пятнадцать детей, а не двое!

– Ужас, – механическим голосом отозвалась Натка, прикидывая, в какую сумму ей обходится начало школьной жизни.

– Вот, вы понимаете! – обрадовалась Аня. – С учетом того, что учительница работает с нашими детками всего месяц, мы проявим тонкость и деликатность, если стоимость подарка не превысит ее зарплаты.

«Интересное представление о тонкости и деликатности», – как-то безразлично уже подумала Натка.

– Ма-ам? – проныл кто-то в недрах синего бегемота. – Я есть хочу! Поехали обедать!

– Сейчас, мой хороший! – ответила мама Витальки, надо понимать, ему самому и порывисто схватила за руку враждебно окаменевшую Натку. – Чудесно, что мы договорились, и очень приятно было наконец познакомиться!

Она нырнула в своего бегемота и уже оттуда прощально прощепетала:

– Очень миленькие винтажные сережки, это у вас аметистики, да? Не от Красицких?

– Это александриты, – ответила Натка.

Водительница бегемота ее уже не слушала – ее зверь рычал и пятился, но Натка все же зачем-то договорила:

– Не от Красицких.

Сережки с александритами, меняющими цвет от ярко-розового до нежно-сиреневого, были еще мамыны – той их подарила на шестнадцатилетие ее собственная матушка, Наткина бабушка. Тогда они стоили аж сто двадцать семь рублей – бабулина месячная зарплата была поменьше.

Интересно, сколько за мамыны александриты дали бы сегодня в ломбарде Красицких?

– Я нахожу, что подготовительный процесс недопустимо затянулся, – призналась Натка, заглянув в ведро с водой.

Собственное отражение, видимо, состроило ей оттуда гримасу, потому что Натка показала ведру язык и насупилась, притопывая одной ножкой в стильной обуви – на диво изящном резиновом сапожке с «ушками» и фирменным логотипом. Даже наша знатная блогерша Сашка, изрядно подковавшаяся в трендах и брендах, эти новые тетины сапожки высоко оценила и горячо одобрила. Так горячо, что стала клянчить у меня точно такие же, хотя ей-то они зачем? Она же с нами не поехала.

Натка приделась – или тут правильное сказать «приобулась»? – по особому поводу: она наконец-то ответила согласием на предложение Кости Таганцева.

Нет, это было не предложение руки и сердца, хотя старлей Таганцев, мне кажется, созрел уже и для него. Но Натка не созрела! Пока она согласилась только съездить вместе с Костей на рыбалку – он уговаривал ее на это целый год и вот наконец преуспел.

– Должна сказать, я представляла это себе как-то по-другому, – призналась Натка и вздохнула.

– Знаю я, как ты это себе представляла! – я провела ножом по точильному камню.

Прозвучавшее «ш-ш-ш-ссс» гармонично слилось с тихим плеском речной волны и легким шорохом прибрежной растительности.

– Ты думала, что я буду пасти Сеньку, а вы с Таганцевым отправитесь на романтическую прогулку по маршруту «речной бережок – сеновал»! – я хмыкнула. – Хотя какие уж сеновалы в октябре...

– Ну, я лично от хорошего сеновала в любое время года не откажусь, – с некоторым вызовом сказала Натка и одернула на себе ветровку, четче обрисовывая впечатляющий бюст.

Под ветровкой на сестрице было «крестьянское» платье в цветочек, а под ним, похоже, эротичное бельешко, бюстгальтер явно пуш-ап – однозначно в расчете на сеновал, нет сомнений.

– Ха-ха, Акела промахнулся, – съязвила я, потому как роль то ли няньки, то ли гувернантки, которую планировала навязать хитрая сестрица, меня не прельщала.

Даже приятно было, что эта коварная особа просчиталась и никакого романтического сеновала у нее не случилось. Хотя наше нынешнее времяпрепровождение мне тоже не очень нравилось.

Я снова провела ножом по камню:

– Ш-ш-ш-ш-ссс!

– Прекрати! – передернувшись, потребовала Натка. – У тебя ужасно зловещий вид, когда ты это делаешь. Как у старого пирата, которому не терпится пустить кому-нибудь кровь!

– За старого еще ответишь, – пообещала я, – но не волнуйся, резать я стану только рыбу.

– Если она будет, – озвучила Натка наши общие опасения.

Я вздохнула.

Сто лет не ездила на рыбалку и еще столько же этого не делала бы!

Вот что хорошего в подобном занятии?

Подъем в несусветную рань, поездка в предрассветной тьме – в ночь, прочь, за город, в глушь, по маршруту, где не ступали нога и копыта Макара с телятами.

Дикая местность – камыши, река, за ней лес, десять минут восторженного любования живописным восходом, потом отрезвляющий звон комариков, мокрые ноги (не все из нас в сапогах!), шмыгающий нос и усиливающееся чувство голода.

Позавтракать дома мы, конечно же, не успели, а кофе из термоса с бутербродами из пакета – романтическая трапеза на рассвете – растворились в пустых желудках быстро и бесследно.

Предполагалось, что на второй завтрак у нас будет жареная рыбка, а на обед – уха...

Кое-кто, не будем показывать на него пальцем, хотя это был наш друг и товарищ старший лейтенант, поразительно вдохновенно рассказывал, как это будет вкусно – наваристая ущица с дымком, ароматная, густая, в золотистых бляшках, в крапинках щедро насыпанных специй...

Я шумно сглотнула слюну.

– Убью Таганцева, – тоскливо пригрозила Натка и посмотрела на камышовые джунгли, в которых спрятались покосившиеся мостки с нашими рыбаками. – А ты точи пока ножик, точи...

Ш-ш-ш-ш-ссс...

Ш-ш-ш-ш-сссс...

– Точно убью, – повторила Натка и яростно прихлопнула комара на щеке.

– Комаров убивай, а Таганцева не надо, – попросила я.

Шутки шутками, а уж мне-то, как судье, хорошо известна печальная статистика внутри-семейных разборок: убийств на бытовой почве у нас в России случается больше, чем каких-либо других.

– Позащищай его, ага, – кивнула сестрица. – Адвоката тут нету, так судья за него. Можно подумать, Таганцев ангел с крылышками!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.